

**ЯЗЫКОВОЕ
СОЗНАНИЕ В АСПЕКТЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Астана, 2018

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Я41

Международная редакционная коллегия:

Е.А. Журавлёва, Ш.К. Жаркынбекова, Д.С. Ташимханова (Казахстан),
Jiang Qun, Н.С. Касюк, Лю Бо (Китай), Е.Л. Райхлина, Т.Г. Бочина (Россия)

Я41 Языковое сознание в аспекте межкультурной коммуникации:
сборник статей / Отв. ред. Е.А. Журавлёва. – Астана: Изд-во ЕНУ им.
Л.Н. Гумилева, 2018. – 408 с.

ISBN 978-9965- 31-515-2

Сборник содержит статьи участников вебинара «Языковое сознание в аспекте межкультурной коммуникации», проведенного в рамках сотрудничества филологического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Казахстан) и факультета русского языка Даляньского технологического университета (Китай). Выступления участников вебинара посвящены проблемам формирования поликультурной личности в условиях многоязычного мира, функционирования русского языка в полиязычном мире, включенности русской литературы в процесс обучения русскому языку как иностранному, методики преподавания РКИ в традиционном и инновационном ракурсах.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-9965- 31-515-2

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2018

что в китайской системе образования доминирует явно выраженный авторитарный стиль обучения. Главное действующее лицо в аудитории не студент, а преподаватель. Студенты же делают всегда то, что навязывает им преподаватель. Они не готовы инициировать дискуссию, предлагать свои решения проблем, рассуждать, отвечать на вопросы, требующие личных оценок. Для китайской образовательной системы недопустимо использование на занятиях разных учебников или пропуск в учебнике каких-то упражнений, в то время как для россиян и белорусов вполне привычно на уроке использовать несколько учебных пособий, менять местами упражнения, перескакивать с одних видов деятельности на другие. Как видим, на фоне довольно объективного представления русскоязычным читателям образа Китая и китайцев встречаются не совсем точные интерпретации некоторых фактов и коннотаций, что требует определенного лингвокультурологического комментария. Это и было сделано в диссертационном исследовании «Национально ориентированный русскоязычный текст: лингвокультурологические средства создания образа Китая», защищённом в 2014 г. в Республике Беларусь [4].

Литература

1. Китайская цивилизация как она есть / В.В. Ульяненко [и др.]. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2005. – 494 с.
2. Малевич И.А. Внимание, Китай. – Минск; М.: АСТ, 2001. – 320 с.
3. Малявин В.В. Китай управляемый: старый добрый менеджмент. – М. : Европа, 2005. – 304 с.
4. Вэй Вэй. Национально ориентированный русскоязычный текст: лингвокультурологические средства создания образа Китая. – автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2014. – 21 с.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ МОРФЕМНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА: МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Егорова О. И.

Сумский государственный университет

Украина, г. Сумы

o.egorova@gf.sumdu.edu.ua

Статья посвящена вопросу морфемной актуализации семантики количества. В фокусе исследования – четыре генеалогически родственных и

дистантных языков, системные единицы которых являются конституентами лексико-семантического поля неопределенного количества, его микрополей множественности и оценки неопределенного количества. Анализируются сходство и девиации в передаче семантики количественности разными классами морфем на материале разночастеречных единиц.

Ключевые слова: неопределенное количество, семантика, морфема, формант, словообразование.

The article considers the issues of morphemic representation of quantity concept in genealogically akin and distant languages. Quantitative morphemes are viewed as constituents of the lexico-semantic field of indefinite quantity made of two microfields: that of multiplicity and evaluation of the indefinite quantity. Under analysis fall convergences and divergences in the way, different classes of morphemes of different word classes render quantitative meanings.

Keywords: indefinite quantity, semantics, morpheme, formant, word-building.

Категоризация окружающей действительности является основополагающим когнитивным процессом аккумуляции и упорядочивания приобретенных знаний. Одной из базовых категорий, отображающих суммарный когнитивный опыт человечества, является категория количества. Содержание категории количества базируется на объективно существующих количественных отношениях.

Антропоцентрический характер гносеологического процесса обуславливает познание количественных отношений объективной действительности в терминах оппозиции *точное: неточное* количество. Подобно любой другой универсальной категории категория количества подлежит актуализации в вербальном пространстве каждой лингвокультуры, поскольку «именно в языке закодирована генетическая память народа, его базовые моральные нормы, традиции и опыт межкультурного общения и отношений» [1: 209]. Соответственно, результаты квантификации окружающего человека мира закрепляются в семантике языковых знаков, объективирующих знания о точном, приблизительном и неопределенном количестве.

Объектом данного исследования является языковая (семантическая) (суб)категория неопределенного количества, предметом – сравнительный анализ морфемной репрезентации этой категории в дистантных (английском, немецком, русском и украинском) языках. Актуальность статьи обусловлена тенденциями современной лингвистики к изучению системно-функциональных параметров номинаций имманентных языковых систем, а также к осмыслению вопросов кросс-лингвальной концептуализации и категоризации.

Одной из особенностей категории количества в целом и категории неопределенного количества в частности является «тотальность», т.е. экспансия на все стороны знаковой системы языка. Семантическая категория неопределенного количества полиаспектно представлена в современных европейских языках единицами разных языковых уровней: фонемами, морфемами, лексемами, словосочетаниями. Эти единицы заполняют ядерные и периферийные зоны микрополей множественности и оценки неопределенного количества, конституирующих функционально-семантическое поле количества.

Морфемный уровень семантизации неопределенного количества в дистантных языках представлен группами словообразовательных элементов с разной степенью функциональности. Корпус морфемной манифестации категории неопределенного количества включает корни и основы, аффиксы и окончания (флексии).

К базовым корневым морфемам германских языков, прежде всего, необходимо отнести полярные лексемы *much::little*, *many::few*, *viel::wenig*, которые, обладая эпидигматическими потенциями, образуют новые слова, например: англ. *many–particle*, *fewness*, *much–branched*, *little–channel*; нем. *vielversprechend*, *Wenigverdiener*. Эквивалентами этих лексем в славянских языках выступают лексемы рус. *много::мало*, укр. *багато::мало*, которые также являются словообразующими, например: рус. *многобрачие*, *маловодье*, *многосторонний*, *малонаселенный*; укр. *багатобічний*, *маловагість*. С позиций межъязыкового анализа явления квантификации стоит, однако, отметить усиление асимметрии и вариативности словообразовательных тенденций (вплоть до перехода на другие уровни языковой системы) в контексте языкового дистанцирования:

Таблица 1

русский	украинский	английский	немецкий
малооборотный	малооборотний	low-speed	niedertourig
малоотходный	маловідходний	low-waste	abfallarm
малоразвитый	малорозвинений	inexperienced	unerfahren
малоопытный	малодосвідчений	underdeveloped	unterentwickelt
малорастворимый	малорозчинний	[poorly, slightly] soluble	schwachlöslich
малоформатный	малоформатний	small	kleinformartig

В целом же отметим, что корневые морфемы представляется более целесообразным рассматривать в рамках описания экстерно-

ризации категории неопределенного количества на лексико-семантическом уровне и посвятить этому отдельное исследование.

Группа префиксальных интенсификаторов количества отличается способностью реализовать семантику неопределенного количества в лексических единицах-репрезентантах разных частеречных классов (за исключением числительных и практически всех разрядов местоимений, поскольку эти классы являются наиболее закрытыми для новообразований) с референцией к предметам, признакам и процессуальности. С точки зрения происхождения и языкового развития эта группа элементов является заимствованной, однако, как справедливо отмечает неолог Ю.А. Зацный, именно заимствования формируют внутренние ресурсы языка [2: 189].

К приставкам-экстериоризаторами семы неопределенного количества, прежде всего, относится интернациональная группа интенсифицирующих приставок латинского и греческого происхождения типа *super-*, *extra-*, *omni-*, *poly-*, *mini-*, *under-/unter-*, *макро-*, *ультра-*, *макси-*, *архи-*, *мульти-* и др. Данная группа проявляет себя на векторах квантификации предметности, признака и процессуальности, например: англ. *polysemy*, *ultraviolet*, *to superimpose*; нем. *Makrokosmos*, *extravagant*, *unterbewerten*; рус. *микробиология*, *архиважный*, *гиперболизировать*; укр. *омнібус*, *мультиплікатор*, *максимальний*, *мінімізувати*. Отметим, что к морфемным маркерам латинского происхождения относятся приставки *de-*, *dis-*, *re-*, активно участвующие в словообразовании английского глагола и отглагольных дериватов и разновекторно актуализирующие семантику количества в компонентном составе значения производных лексических единиц, например: *to descend* (to move to a lower level, pitch, etc.; fall), *to disperse* (to distribute or spread over a wide area), *to rewrite* (to write again), *to relieve* (to cause to become less severe or serious).

При всей вариативности корпуса приставок нужно признать, что вербализаторы микрополя множественности (неопределенного количества дискретных объектов) представлены нешироко в сравнении с экстериоризаторами микрополя оценки неопределенного количества («много» / «мало»). Так, приставки *multi-/мульти-/мульти-* и *poly-/поли-/полі-* констатируют наличие безреферентной в отношении числового выражения партитивной множественности объектов или признаков, например: англ. *multiplicity*, *multicolour*, нем. *Polyglotte*, *polytechnisch*, рус. *полигамия*, *мультивекторный*, укр. *Мульти-*

культуралізм, полівалентний. Ідею безреферентної к числовому вираженню сукупної множинності об'єктів або ознак, розглядаємих як єдине ціле, передають деривативні елементи *omni-* та *pan-* / *panto-*, більш типові для германських мов: англ. *omniparity*, *omni-bus* (збірка), *panacea* (лікарство від всіх хвороб), нем. *Omnipotenz*, *Pantomime* (букв. «імітатор всього»), *Pan-Germanistik*. Решта група префіксів актуалізує семантику «багато» / «мало» в стосунку до числа або міри, доказом чому може слугувати аналіз словникових визначень: англ. *miniature* (a reduced image; a representation on a small scale); нем. *unterschätzen* (zu gering einschätzen); рос. *ультрапарадикалізм* (ідеологія і політика крайнього [= надмірного] радикалізму); укр. *мікроцефал* (людина з ненормально малою, недорозвиненою головою).

К корпусу інтернаціональних префіксів, з іншої сторони, примикає група незаїмствованих (ісконних для кожного мови) афіксальних формантів типу англ. *Over-*, *all-*, *under-* (*understatement*, *all-American*, *to overexaggerate*); нем. *Über-*, *all-*, *unter-* (*Allmacht*, *übertrieben*, *unterschätzen*); рос. *Сверх-*, *все-*, *недо-*, *при-* (*сверхболід*, *всехватывающий*, *недопрыгнуть*, *придвинуть*); укр. *Над-*, *понад-*, *все-/усе-* (*надзвичайний*, *понадміру*, *всеосяжний*). Широка функціональність і продуктивність цих формантів в германських і слов'янських мовах обумовлені общністю етимології і еволюції споріднених мов. Однак зустрічаються і виключення. Так, наприклад, лакунарної з точки зору міжмовного паралелізму представляє німецька префікс з семантикою збирателі *ge-*, не маюча прямих відповідностей в інших порівнюваних мовах. Семантика збирателі в такому випадку реалізується іншими методами, або ж «затухає», наприклад: нем. *Getreide/Gerede /Gebirge*; англ. *grain/ talk (gossip) / range of mountains*; рос. *злаки болтовня /горы (горная цепь)*; укр. *зернові / балачки / гори*.

Не менш продуктивним засобом екстеріоризації семантики кількості в дистантних мовах є суфікси, стосуючися до значення зменшувальності і збільшувальності, виражаючі значення розміру неопределенно, які, крім того, реалізують оціночне значення [3: 84]. В контексті імен суцільних в англійській мові до таких відносяться суфікси *-let*, *-ie*, *-y*, *-ing* (*suckling*, *leaflet*, *cookie*, *blacky*), а в німецькій – *-chen*, *-lein*, *-i* (*Bruder – Brüderchen*, *Brüderlein*, *Brud*), а також *-ling*, *-el* (*Dichterling*,

Krümel). В русском и украинском языках подобными суффиксами являются *-ин, -ечк/-очк, -иц, -ик, -ц(е)* (рус. *домина, долище, речечка*; укр. *кладовище, соколик, озерце*) и множество других.

Аппроксимативные суффиксы германских языков *-ish/-у* и *-lich/-i*, как и типичные для славянских языков суффиксы *-еньк/-оньк-*, в составе адъективных дериватов актуализируют семантику слабой выраженности признака, например: англ. *palish, greeny*; нем. *kränklich, guti*; рус. *махонький*; укр. *червоненький*.

Идею собирательности в английском языке манифестирует группа субстантивов, включающая названия родовых и собирательных понятий, выраженных при помощи суффиксов *-ery, -age, -hood, -dom, -kind, -tum*, например: *machinery* (machines collectively), *pewage* (the pews in a church, collectively), *womanhood / womankind* (women collectively), *kingdom* (an organized community having a king as its head), *pinetum* (a plantation or collection of pine-trees of various species). Арсенал подобных суффиксов в немецком языке оказывается несколько беднее и представлен главным образом формантами *-heit, -schaft* и *-tum*. В славянских же языках идея собирательности получает оязыковление целой парадигмой формантов. Среди них суффиксы: – *j-(o/a)*, который в некоторых случаях сохранился (рус. *вороньё* [в`оран'й'о]; укр. *довір'я* [дов'ірія]), а в некоторых попал под принцип фонетической аккомодации или вообще исчез (укр. *листя* [лис'т'а]), *-ств-* (рус. *студенчество*; укр. *людство*), *-(er)иј-* (рус. *жандармерия*; укр. *бухгалтерія*), *-ур-* (рус. *клиентура*, укр. *макулатура*), *-от-* (рус. *беднота*; укр. *босота*), *-як /-ик* (рус. *молодняк*, укр. *чагарник*), *-ин(а) /-н(я)* (рус. *писанина, бегодня*; укр. *городина, комашня*) и некоторые другие.

К разряду мультипликативных суффиксов, служащих для образования мультипликативных (многоактных) глаголов, в дистантных языках принадлежат английские суффиксы *-le* та *-er*, а также формально десемантизовавшийся основообразующий суффикс *-а* как оппозиция семифактивному суффиксу *-ну-*, например: англ. *to dazzle, to twinkle, to waver, to titter*; рус. *прыгать::прыгнуть, болтать::болтнуть*; укр. *булькати::булькнути, блимати::блимнути*. К сравнению, в немецком языке семантика многоактности передается буквенным удвоением в пределах корневой морфемы (*klappern, plappern, brabbeln, klirren, rasseln*). Такова практика весьма характерна и для английского языка (*to chatter, to twitter, to babble, to*

giggle), что во многом объясняется звуконаследовательным характером глагольных номинаций этого типа.

К системе морфемных актуализаторов количества частично относятся форманты, являющиеся грамматическими спецификаторами того или иного частеречного разряда, например: англ. *hundreds, better/ the best, is reading, themselves*, нем. *die Müllers, die größten Bücher, spielend*,

Говоря о флексиях как о маркерах числа нельзя не упомянуть о грамматической категории числа имен существительных. В английском и немецком языках для обозначения неопределенного количества наряду с флексиями множественности используются формы с чередованиями гласных или согласных либо неизменяемые формы, в которых категория числа уточняется контекстом. Бóльшая мера синтетизма проявляется в немецком, русском и украинском языках, где форма имени существительного определяет форму его модификаторов или атрибутов, например: нем. Им. п.: *alle schwarzen Mäntel*, рус. Род. п.: *трёх красных шаров*, укр. Дат. п.: *двом різнокольоровим парасолькам*. Флексии же английских глаголов, за исключением супплетивных форм и временных форм с их использованием, а также флексии третьего лица единственного числа настоящего неопределенного времени, в целом не являются показателями количественности. Более выраженный синтетизм, проявляющийся в формах спряжения немецкого, русского и украинского глаголов, дает возможность в большинстве случаев определить число. В довершение краткого обзора квантитативных флексий, укажем, что синтетические формы степеней сравнения прилагательных и наречий, образованные соответствующими формантами, дают возможность говорить о градации количества признака во всех анализируемых языках, напр.: англ. *greener, largest*; нем. *klüger, schlimmste*; рус. *милее, лучший*; укр. *біліший, найласкавіший*.

Таким образом, анализ эмпирического материала способствовал выявлению контрастивных аспектов морфемной актуализации категории неопределенного количества на материале дистантных языков. Существование общих и своеобразных средств выражения категории количества в английском, немецком, русском и украинском языках дает основание говорить об универсальности категории количества в целом, а также о схожести и своеобразии категоризации

и вербализации этой категории в рамках каждой отдельной лингвокультуры.

Литература

1. Рогач О. О. Семантичні особливості фразеологізмів на позначення поняття «violence»: експериментально–культурологічний // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. Серія: Філологічні науки. Мовознавство. – 2010. – № 7. – С. 208-210.
2. Зацний Ю. А. Сучасний англomовний світ і збагачення словникового складу / Ю. А. Зацний. – Львів : ПАІС, 2007.– 228 с.
3. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. – К.: Вища школа, 1981. – 144 с.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ¹

Жаркынбекова Ш.К.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
Казахстан, г. Астана
zharkyn.sh.k@gmail.com*

В статье рассматриваются проблемы формирования профессиональной языковой личности нового типа в полилингвом пространстве учебного дискурса Казахстана в условиях трехязычия. Акцентируется внимание на необходимости конкретизации профессиональных языковых компетенций обучающихся вузов, разработке технологий обучения в процессе формирования профессионально-коммуникативной компетентности. Путем опросов (анкетирования) сотрудников и методом включенного наблюдения выявлены основные мотивы и цели изучения казахского, русского и английского языков бизнес-специалистами, мнение работодателей в отношении спроса на специалистов со знанием трех языков и на имеющийся у специалистов уровень владения языками.

***Ключевые слова:** профессиональная языковая личность, образовательные реформы в РК, обновленное содержание, компетентностный подход.*

¹ Статья подготовлена в рамках грантового финансирования МОН РК проекта «Формирование профессиональной мультилингвальной личности нового типа в условиях полиязычного образования РК» (2018-2020 гг.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

<i>Базарбаева А.С., Абилхасымова Б.Б.</i> Концепт «домбыра» в свете ассоциативного эксперимента.....	3
<i>Байгарина Г.П.</i> Поликультурная личность сквозь призму медиажанра интервью	9
<i>Буряченко Т. И.</i> Формирование поликультурной языковой личности на занятиях по русскому языку как неродному.....	19
<i>Валова М.В., Азманова А.Е.</i> Культурные концепты в школьных учебниках по русскому языку.....	27
<i>Вариченко Г.В.</i> Межкультурное общение иностранных студентов в белорусском социуме.....	34
<i>Вэй Вэй.</i> Истинное/ложное, объективное/субъективное в понимании образа китайцев носителями русского языка и китайцами.....	40
<i>Егорова О.И.</i> Основные вехи морфемной актуализации категории неопределенного количества: межъязыковые параллели.....	49
<i>Жаркынбекова Ш.К.</i> Вопросы формирования профессиональной мультилингвальной личности в высшей школе	56
<i>Кадеева М.И.</i> Представление нормы как феномена сознания и языка	62
<i>Кулиш В.С., Боровикова Д.С.</i> Функциональные особенности аббревиатур и сокращений на материале современного языка СМИ	70
<i>Кулиш В.С., Громенко Т.Ю.</i> Грамматическая роль артикля в современном английском языке.....	76
<i>Луань Сьюй, Лю Бо</i> Семантические представления «пола» и «гендера» в российском информационном дискурсе	81
<i>Митюкова Е. А.</i> Роль латинских дериватов в формировании профессиональной лексики.....	86
<i>Михалева О.В., Морозов А.В.</i> Формирование поликультурной личности студента – будущего бакалавра-лингвиста.....	92
<i>Нарожная В.Д.</i> Языковое сознание личности в условиях поликультурного общения	98
<i>Овсянко Е. Л.</i> Анализ концепта <i>Woman</i> в англоязычных пословицах.....	106
<i>Печурова Е.А.</i> Особенности репрезентации этноцентризма и эмпатии в поздних произведениях Л.Н. Толстого	111
<i>Савчиц Н.Е., Исмаилова Ш. А., Кудиярбекова М.К.</i> Формирование поликультурной личности в условиях аграрного вуза.....	121